

Дин Тянь ценил чистоту и порядок.

В памяти прежнего владельца тела тюремные камеры остались грязными, сырыми и невыносимо вонючими. Терпеть подобное убожество на собственной территории новый смотритель не собирался. Именно поэтому он и позвал Третьего дядю — привести в порядок стены и побелить их известью. Сам же Дин Тянь планировал нарисовать на них назидательные лозунги; с этим делом он вполне мог справиться и в одиночку.

Дело не ограничилось одной лишь кладкой канов. Даже для деревянной окантовки лежанок Дин Тянь лично отобрал белый тополь — его светлая древесина выглядела наиболее опрятно.

На улице всё ещё стоял мороз, но внутри, благодаря жарко натопленным канам, уже дышалось приятным теплом. Пока белили стены, новые двери и рамы ещё не привезли, поэтому оконные и дверные проёмы наспех прикрыли досками, защищая комнаты от пронизывающего весеннего ветра.

Вскоре одну за другой доставили и остальные лесоматериалы.

За дерево Дин Тянь выложил целых восемьдесят шесть лянов серебра, зато это был настоящий, прочный железняк. Хромой Дин целыми днями без усталости мастерил мебель во дворе постоянного двора, а готовые изделия в управу притаскивали двое сыновей Дин Каня.

Пусть обстановка и казалась простой, зато теперь здесь было всё необходимое: столы, стулья и скамьи. Кроме того, Дин Тянь попросил изготовить деревянные миски и подносы. Он опасался, что если раздать заключённым обычную фарфоровую посуду, кто-нибудь обязательно разобьёт чашку и попытается покончить с собой с помощью осколка... Кажется, нечто подобное он когда-то видел по телевизору? На всякий случай лучше было перестраховаться.

Спустя двадцать дней упорных трудов тюрьма преобразилась до неузнаваемости.

Третий дядя не только побелил стены, но и прорубил в каждой камере специальное отверстие у самого пола.

— Отсюда будешь забирать ночные горшки, — пояснил он, отирая пот со лба. — Так безопаснее, не придётся лишний раз заходить внутрь к колодникам.

Дин Тянь вымученно улыбнулся.

— Эм, Третий дядя, у меня есть другая идея...

Выносить чужие нечистоты ему совершенно не улыбалось. Он вспомнил устройство простейших сливных туалетов: заключённый справляет нужду в специальный сток, который затем просто промывают водой. Все отходы по закрытому желобу стекают в огромную бочку на

улице, откуда их регулярно забирает городской ассенизатор.

— А что, дело говоришь! — одобрил Третий дядя и тут же принялся копать землю под сточные каналы.

Цемент в этих краях не водилось, а заказывать фаянс или фарфор выходило непомерно дорого. Дин Тянь выкрутился: договорился с местными гончарами, и те выжгли из грубой глины подобие сливных чаш. Главное, чтобы их было легко мыть.

Когда привезли и установили двери и ставни, Дин Тянь первым же делом проверил их на прочность. Они оказались на удивление крепкими — даже от сильного удара тесаком на тёмной древесине оставались лишь едва заметные зазубрины.

— Ох и намучился же я с этой проклятой работой! — выдохнул Хромой Дин. Пальцы у него заметно подрагивали от перенапряжения. — Ну и древесина, чистый камень! Зато теперь при случае смогу прихвастнуть перед людьми, что лично сработал двери и ставни для уездной тюрьмы!

Дин Тянь рассмеялся:

— Всё так. А я каждому буду говорить, что эти неприступные запоры — дело золотых рук моего братца Хромого.

Хромой Дин ухмыльнулся, довольный похвалой.

— Слушай, а решётки тебе разве не нужны?

— Ни к чему, — отмахнулся Дин Тянь. — Решётчатые перегородки ставят только ради того, чтобы тюремным стражникам было удобнее следить за каждым шагом колодников. У нас тут не столичный каземат, толп разбойников не предвидится. Так что обойдёмся глухими стенами. В конце концов, даже преступникам нужно уединение.

Хромой Дин озадаченно поскрёб затылок.

— Чего-чего нужно? Какое уединение?

Дин Тянь лишь неловко усмехнулся в ответ:

— Да так, не бери в голову...

И без того щедрую плату, о которой они договаривались изначально, Дин Тянь при расчёте

округлил в большую сторону. Особенно он выделил Хромого Дина, чьи руки всё ещё дрожали от переутомления — работа с железным деревом выжала из мастера все соки.

Дин Тянь преподнёс это как награду от управы, и плотники без лишних расспросов приняли серебро, искренне поблагодарив его.

С увесистыми кошельками вся артель из пяти человек благополучно вернулась в деревню семьи Дин.

Дин Тянь остался один. Глядя на чистые, пахнущие свежей побелкой и деревом камеры, он почувствовал, как с души свалился огромный камень.

«Ну вот, теперь и дышится легче. Самое время наведаться к бухгалтеру Сюю за жалованьем за этот месяц»

В казначействе уже толпился народ. Служители управы, пришедшие за деньгами, оживлённо спорили:

— Да разве нам выдадут серебро? Ведь ни уездного судьи в городе нет, ни личного советника!

— А если не выдадут, нам что, зубы на полку класть? Тоже мне новости! Мало ли, где шляется начальство, работать-то мы работали!

Дин Тянь и сам заволновался: вдруг и впрямь развернут ни с чем?

Однако, вопреки опасениям, в бухгалтерии всё было готово. Бухгалтер Сюй заранее разложил монеты.

— Вот твоя доля, — старик кивнул сыну, и тот протянул Дин Тяню привычный мешочек из чёрной ткани. — Слышал я, знатно ты обустроил свои владения. Завтра как раз возвращается господин судья. Обязательно пригласи его осмотреть тюрьму. Пусть его превосходительство лично убедится, как усердно ты трудился.

Дин Тянь вежливо улыбнулся:

— Обязательно приглашу.

Но стоило ему выйти за порог и спрятать кошель за пазуху, как вежливая маска тут же слетела с его лица. Улыбка вышла натянутой и холодной.

«Какое поразительное совпадение: стоило мне закончить ремонт, как наш многоуважаемый

судья тут же соизволил вернуться. Они что, держат меня за наивного зелёного новичка?»

<http://bllate.org/book/19387/1997430>